

DOI 10.25587/SVFU.2018.9.11684

УДК 398.224(=19)=161.1

М. Г. Джанполадян

Ереванский государственный университет

О ВОССОЗДАНИИ ПОЭТИКИ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ СВОДНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье анализируется проблема воссоздания поэтики армянского героического эпоса «Давид Сасунский» в русском переводе его сводного текста, т. к. именно этот текст, который с 1939 г. постоянно переиздается, дает возможность наиболее объективно рассмотреть данную проблему. Проблема эта – одна из наиболее важных при исследовании и оценке переводов образцов народного эпического творчества, ибо именно в поэтике отражается индивидуальный характер художественного мышления создавшего эпос народа, это и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью статьи является определение особенностей воспроизведения поэтики армянского народного эпоса «Давид Сасунский» в переводе сводного текста на русский язык. Основываясь на монографии Азата Комунаровича Егиазаряна «Поэтика эпоса “Сасна црер”» (Ереван, 2013, на арм. яз), где выделены и охарактеризованы важнейшие особенности поэтики армянского эпоса, показано на конкретных примерах, как в русском переводе сводного текста воспроизведены эти особенности. Автор выделяет среди характерных особенностей армянской поэтики: динамичность эпического повествования, выраженную в использовании глаголов движения, действия, глаголов, отражающих состояние героя; различные функции повторов, имеющих характерные особенности в отличие от переводов «Калевалы» и русских былин; отличительные черты эпических формул, заложенных в речи героев эпоса; образные мысли, выражения, сравнения и др. Одним из недостатков перевода автор отмечает характерные в переводческой практике в 30-е гг. XX в. дословный перевод армянских устойчивых выражений, идиом, транслитерация междометий, что должно было подчеркивать национальное своеобразие эпоса. Обобщая, отмечается, что, несмотря на некоторые недочеты, в русском переводе бережно воспроизведены характерные черты поэтики «Давида Сасунского». Именно поэтому в русской критике на основе данного перевода были высказаны тонкие и меткие наблюдения и мысли о художественном своеобразии и богатстве армянского эпоса.

Ключевые слова: эпос, Давид Сасунский, сводный текст, русский перевод, поэтика, особенности, воссоздание, адекватность, недочеты, художественная ценность.

M. G. Dzhanpoladyan

Recreation of the poetics of the epic “David of Sassoun” in the Russian translation of the consolidated text

Abstract. The article analyzes the problem of recreating the poetics of the Armenian heroic epic “David of Sassoun” in the Russian translation of its consolidated text, since this text, which since 1939 is constantly reprinted, makes it possible to most objectively consider this problem. This problem is one of the most important in the study and evaluation of translations of samples of folk epic creativity, for it is in poetics that the individual character of the artistic thinking of the people who created the epic is reflected, and this causes the relevance of this study.

The purpose of the article is to determine the features of the recreation of the poetics of the Armenian national epic “David of Sassoun” in the translation of the consolidated text into Russian. Based on the monograph “The Poetics of the Epic “Sasna Tsrer” (Yerevan, 2013, in Armenian), Azat Komunarovich Yegiazaryan’s monograph, which highlighted and characterized the most important features of the poetics of the Armenian epic, is shown on concrete examples how these features are reproduced in the Russian translation of the consolidated text. The author highlights among the characteristic features of Armenian poetics: the dynamism of the epic narrative, expressed in the use of verbs of movement, action, verbs, reflecting the state of the hero; various functions of repetitions,

---

ДЖАНПОЛАДЯН Магдалина Георгиевна – д. филол. н., проф., каф. теории литературы и критики факультета армянской филологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения.

E-mail: m-poladyan@mail.ru

DZHANPOLADYAN Magdalina Georgievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of theory of literature and criticism, Faculty of Armenian Philology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia.

E-mail: m-poladyan@mail.ru

which have characteristic features in contrast to the translations of “Kalevala” and Russian bylinas; distinctive features of the epic formulas embedded in the speech of the heroes of the epic; figurative thoughts, expressions, comparisons etc. One of the shortcomings of the translation the author notes characteristic of the translation practice in the 30s of XX century literal translation of Armenian stable expressions, idioms, transliteration of interjections, which should emphasize the national originality of the epic. Summarizing, it is noted that, despite some shortcomings, the Russian translation gently reproduces the characteristic features of the poetics of “David of Sassoun”. That is why in Russian criticism on the basis of this translation, gentle and accurate observations and thoughts on the artistic originality and richness of the Armenian epic were expressed.

Keywords: epic, David of Sassoun, consolidated text, Russian translation, poetics, features, recreation, adequacy, shortcomings, artistic value.

Введение

Чтобы оценить качество перевода того или иного эпоса на другие языки, очень важно выявить, насколько адекватно воспроизведены в переводе не только его основные мотивы и идеи, но и особенности эпической манеры повествования, ибо именно в поэтике отражается индивидуальный характер художественного мышления народа – создателя эпоса. Что касается русских переводов армянского героического эпоса «Давид Сасунский», то перевод сводного текста дает возможность более или менее объективно рассмотреть данную проблему. Сводный текст, как известно, составлялся в связи с 1000-летием эпоса М. Абегяном, А. Ганалаяном и Г. Абовым [1] лишь на основе выбора эпизодов из опубликованных к тому времени вариантов, без привнесения несуществующих в вариантах мотивов, эпизодов, художественных деталей. Текст этот был издан в 1939 г., тогда же вышел в свет его русский перевод (переводчики А. С. Кочетков, В. В. Державин, К. А. Липскеров, С. В. Шервинский) [2]. Существует еще один сводный текст армянского эпоса, составленный Каро Сасуни на основе двух томов вариантов «Сасна црер» (1936, 1944 гг.) [3, 4] и изданный в Бейруте в 1947 г., но он мало известен и не переведен на русский язык [5, с. 189-190]. Однако до сих пор для русского читателя основным источником знакомства с армянским эпосом **в его целостном виде** является перевод 1939 г., который время от времени переиздается. Конечно, есть еще русские переводы художественных обработок нашего эпоса, в частности, блестящий перевод Н. М. Любимова повести Наири Зарьяна «Сасна Давид» [6], но художественная обработка так или иначе несет на себе следы личности автора... Есть и переводы отдельных вариантов, но их немного, и не все отличаются высоким качеством. Кроме того, если в том или ином варианте эпоса такие сущностные черты поэтики, как повторы, сравнения, эпические формулы и др., могут быть представлены в разной степени, то сводный текст дает наиболее обобщенную картину их характера и выполняемых ими художественных функций. Поэтому вопрос о воссоздании поэтики армянского народного эпоса мы рассматриваем на основе русского перевода его сводного текста.

Особенности передачи поэтики эпоса «Давид Сасунский» в русском переводе

Главная задача, стоявшая перед переводчиками, заключалась в адекватном воспроизведении самой национальной манеры эпического сказа. Характеризуя эту манеру, А. К. Егиазарян в своей монографии «Поэтика эпоса “Сасна црер”» замечает: «Даже приводя характерные подробности, сказитель долго на них не останавливается, не ослабляет темпа своего слова. Рассказывается самое главное, рассказывается как один из моментов текущего действия, и это движение не прерывается» [5, с. 269]. Отмечая динамизм повествования как отличительную черту поэтики армянского эпоса и его национальную особенность, автор иллюстрирует это на конкретных примерах из вариантов, подчеркивая, что динамизм обусловлен и обилием употребляемых сказителями глаголов движения. А. К. Егиазарян отмечает, что эта черта (обилие глаголов движения в армянском эпосе) была выделена и в монографии А. А. Петросян «История народа и его эпос» [6, с. 112]. Действительно, таких отрывков немало, но даже если это не глаголы движения, это глаголы действия или состояния, и нередко в эпосе целые фрагменты построены таким образом, что в каждой следующей строке содержится новый глагол, определяющий смысл всего предложения. **В русском переводе художественно адекватно воспроизведена эта главная особенность поэтики армянского эпоса.** Вот, к примеру, сколько динамики, энергии, даже, сказали бы мы, стремительности заложено в этих строках:

Лишь пощечину дал Санасар палачу –
Голова отлетела, только тело стоит.
И бегут со всех ног палачи наутек [8, с. 71].

Приведем и отрывок о том, как маленький Давид возвращался из Мсыра в свой родной Сасун в сопровождении двух пахлеванов, которые по приказу Мсрамелика должны были по дороге его убить:

Пахлеваны **усядутся**, сами **едят**,
А Давиду ни крошки они **не дают**.
Дня по три, бывало, Давид **не ел**,
В пути **голодал** Давид-сирота.
А чем же **кормился** Давид?
Он дикую репу **искал** и **ел**,
Траву полевую **срывал** и **ел**,
В долине грибы **собирал** и **ел**,
Пичужку камнем **сшибал** со скал,
Он зайцев **встречал**, **догонял**, **убивал**,
А хлеба у тех, у двоих, **не просил** [8, с. 194-195].

Как видим, здесь нет ни одной строки, в которой отсутствовали бы глаголы. И они различны по смыслу: есть глаголы движения, действия, есть глаголы, отражающие состояние героя... Но все они придают повествованию особую динамичность, поскольку почти каждая строка практически содержит какую-то новую информацию. И эта динамичность армянской манеры эпического повествования сохраняется на протяжении всего текста перевода, в чем нетрудно убедиться русскому читателю.

Приведенный отрывок примечателен и тем, что в нем наличествует еще одна важная особенность поэтики армянского эпоса – **повторы**. Как известно, повторы вообще присущи образцам мирового эпического (и не только эпического) фольклора. Но именно **характер использования повторов, различные функции повторов** и становятся отличительной чертой, определяющей национальную самобытность того или иного фольклорного образца, в котором отражается традиционная манера народного художественного мышления. Скажем, в финском эпосе «Калевала» встречаем такие строки:

Убегай, дрянной, отсюда,
Прежде чем здесь день начнется,
Прежде чем заря займется,
Прежде чем взойдет здесь солнце,
Прежде чем петух здесь крикнет [9, с. 205].

Что здесь мы видим? Одну-единую мысль, выраженную различными предложениями, объединенными повторами. Т. е. повторы как бы усиливают сказанное, делают его художественно выразительнее, но в смысловом отношении каждая новая строка ничего нового не прибавляет. Чтобы не показалось, что подобный случай – единственный в данном эпосе, приведем еще пример:

Мать **все** ищет, где исчез он,
Все боится, что пропал он,
Точно волк, бежит болотом,
Как медведь, в лесах все рыщет,
По воде плывет, **как** выдра [9, с. 171-172].

И здесь повторы, хотя они и различные, используются для выражения одной и той же мысли.

В русских былинах одна из довольно распространенных художественных функций повтора – это повтор служебных слов: предлогов, частиц, междометий и др. Они не несут в предложении смысловой нагрузки, а служат для сохранения определенной ритмико-интонационной целостности того или иного отрывка, его протяженности, растянутости, музыкальности. К примеру, строки из былины «Илья Муромец и Калин-царь»:

Еще старья казак **да** Илья Муромец
Как сажился он **да** на добра коня

И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он **да на** гору **на** высокую,
Посмотрел-то **под** восточную он сторону, –
Ай под той **ли** под восточной **под** сторонешкой,
Ай у тех **ли** у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские [10, с. 37].

Подобные художественные функции повтора не характерны для армянского эпического повествования, где повтор в основном гармонично включается в основное русло течения сказа – его динамичность. И русские переводчики бережно воссоздали эту особенность поэтики эпоса о сасунских богатырях. Вот отрывок, где Давид будит мсырцев, прежде чем начать битву с ними:

– Эй, **кто** спит – поскорей вставай!
Кто проснулся – коня **взнуздай!**
Кто **взнуздал** – доспех надевай!
Кто с мечом – на коня **влезай!** [8, с. 206]

Динамичность армянского эпического повествования достигается не только использованием повторов с глаголами движения, как в данном примере, но и тем, что **повторы резко подчеркивают каждую новую мысль**, выраженную в последующих строках (это характерная черта, перешедшая в эпос о сасунских богатырях через века – из поэтики древнейших образцов армянского фольклора: «Рождение Ваагна», отрывков о похищении Арташесом Сатеник, об их свадьбе и др). Эта изначальная, сущностная в армянском эпическом повествовании функция повтора четко прослеживается и в русском переводе сводного текста эпоса. К примеру, ответ Мгера Младшего на вопрос пастуха, когда он выйдет из скалы:

Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля,
На свете мне – не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда **будет** пшеница **как** лесной орех,
Как шиповника ягода **будет** ячмень,
Тогда придет мой **день** –
Отсюда я выйду в тот **день!**» [8, с. 341]

А. К. Егиазарян отмечает в своей монографии, что наиболее распространенные виды повторов в эпосе – это перечисления, и приводит соответствующие примеры [5, с. 287-289]. Чаше всего подобные эпизоды поются (в армянском издании сводного текста 1961 г. эти отрывки помечены звездочками), и повторы, естественно, усиливают выразительность отрывков, в которых слово слито с музыкой. Сами песни-перечисления особой трудности при переводе не представляют. Но песня на то и песня, что она должна звучать естественно. К сожалению, в русском переводе некоторые песни утратили это качество. Вот фрагмент из прощальной песни Давида перед тем, как он должен идти на войну с Мсра-Меликом:

Օ՛ քուրեր, դուք կացէ՛ք բարով,
Դուք ինձի քուրուքն ին եր արե.
Օ, մերեր, դուք կացէ՛ք բարով,
Դուք ինձի մերուքն ին եր արե:
Բարի՛ դրկիցներ, դուք կացէ՛ք բարով,
Դուք կացէ՛ք բարով մեծ ու փոքրով:

[11, с. 229]

Сестры! Вам – **добро оставаться**,
Все вы сестрами были мне.
Матерям – **добро оставаться**,
Матерями вы были мне.
Добрым соседям – **добро оставаться!**
Старым и малым – **добро оставаться!**

[8, с. 262]

Здесь повтор, вместо того чтобы усиливать выразительность и мелодичность, режет слух, потому что неестественно звучит по-русски. Так же неестественно звучит в переводе начало прощальной песни Дзенов Ована:

Жаль тысячу раз! Расставаться жаль!
Расставаться жаль с Джалали-конем.

Ай-вах, с Джалали-конем!

Расставаться жаль с дорогим седлом.

Ай-вах, с дорогим седлом! [8, с. 260]

И на протяжении всей песни повторяется транслитерированное междометие «Ай-вах», отнюдь не придающее напевности песне, а начало – «жаль тысячу раз» – дословный перевод армянского фразеологизма «հիշիր փնիսը»: Он тоже звучит диссонансом в тексте. Здесь надо заметить, что для переводов, осуществляемых в советской стране в 30-е гг. и позже, было характерно дословно переводить устойчивые выражения, идиомы, транслитерировать междометия: этим как бы подчеркивалось национальное своеобразие подлинника. С. В. Шервинский в своей статье о переводе армянского эпоса писал: «Целый ряд ходячих армянских выражений, не принятых у нас, мы перевели точно и считаем, что этим приемом больше, чем каким-либо другим, достигается национальный колорит» [12]. Так что подобный подход, который впоследствии в трудах по теории перевода был признан неплодотворным, определялся уровнем переводческого искусства того времени.

Как отдельный вид повторов А. К. Егиязарян выделяет в армянском эпосе и **эпические формулы**, подчеркивая их отличие от других эпосов – и древних, и средневековых. Отличительные черты армянских эпических формул автор видит в том, что, во-первых, это небольшие отрывки, во-вторых, они вложены в уста героев, а не повествовательного характера [5, с. 281–285]. Действительно, читателям запоминаются произнесенные разными героями в сходных ситуациях такие фразы (они бывают несколько вариативны), как «Քեզի համար կը քրնես, / Ուրիշի համար երազ կը տեսնես», «Քոզլուի էդտեղ թրթջես, էստեղ կընտես», «Հաց ու գինին, Տեր կենդանին» и др. Вариативны, естественно, и переводы. Вот как звучит по-русски клятва, которую произносят армянские герои перед битвами или сражениями: «Хлеб и вино и сущий господь!» [8, с. 78, 98, 193]. Здесь повтор союзов создает определенный ритмический строй фразы, чем несколько компенсируется отсутствие имеющейся в оригинале внутренней рифмы. Приведем варианты другой эпической формулы: «Как получишь это письмо – / Намылишь голову – там, обреешься тут [8, с. 99]. Или: «Ты щеки себе в Сасуне намыль, / Побреешься здесь» [8, с. 193]. Примечательно, что по данным строкам русский читатель сможет понять, что динамичность сказа проявилась в армянском эпосе и в эпических формулах. А наиболее удачным вариантом из переводов эпической формулы «Քեզի համար կը քրնես, / Ուրիշի համար երազ կը տեսնես» нам представляется следующий: «Ты спишь на подушках своих, / а видишь сны за других» [8, с. 72]. Здесь присутствует и внутренняя рифма, так что перевод несколько не уступает в художественности оригиналу.

Обратимся теперь к вопросу воссоздания еще одной важной черты поэтики армянского эпоса – **образных мыслей, выражений, сравнений**. Они встречаются не только в повествовании от сказителя, но и в словах самих героев. Это, с одной стороны, говорит о том, что армянский народ высоко ценил образное, художественное слово; с другой – в эпосе подчеркивается способность самих героев мыслить образно или же в разговоре к месту употреблять мудрые народные изречения. Вот, к примеру, слова Давида, узнавшего, что он пронзен стрелой, пущенной его дочерью, спрятавшейся в тростниках:

Իմ ցեց իմ տնակի է,
էդ իմ տերւն էր, որ ինձի սպանեց:

[11, с. 235]

Мой червь – в теле моем,
Мое семя убило меня!

[8, с. 318]

И. Орбели отметил: «Смертельно раненый Давид произносит слова, которые являются очень распространенной поговоркой в Армении о том, что каждый умирает от своего семени. Эта поговорка отразилась в целом ряде народных басен, сказок и песен. Орел умирает от своего пера, которое воткнуто в тыловую часть стрелы, дерево – от топора, у которого есть деревянная ручка, а Давид – от своей дочки» [13, с. 42].

А вот реакция Давида на песни гусанов, воспевающих Хандут: он выражает свое душевное состояние образными сравнениями:

Чисто, как молоко, мое сердце было, –
Его закваской заквасили вы!
Крепко, как крепость Сасун, мое сердце было, –
Ломом его разрушили вы!
Яснее осенней реки мое сердце было, –
Ливнем весенним его замутили вы! [8, с. 289-290]

Образные сравнения вложены и в уста других сасунских богатырей. Вот как реагирует Санасар, увидев несметное число воинов багдадского халифа:

Если б хлопком стали они, а я обернулся б огнем,
И то б не смог их спалить.
Если б пламенем стали они, а я обернулся б водой,
Я не смог бы сквозь них протечь [8, с. 98].

Замечательно, что в армянском эпосе героини не уступают богатырям в своем образном мышлении и умении ценить образное слово. Это почувствует и русский читатель. Вот строки из письма Дехцун-Цам Санасару, которое она послала богатырю с двумя кувшинчиками – полным и пустым, закупоренными яблоками:

А душа моя, словно этот кувшинчик пустой,
Чиста, ясна.
А моя голова, словно полный кувшинчик,
Полным-полна,
Божьим даром наделена [8, с. 105].

Вспомним и слова Армаган, которыми она встретила изменившего ей мужа, вернувшегося в Сасун: «Արժա՞ր արժա՞ր քա՞ղար հին բերեց...» [11, с. 126], «Серебро унес, / А медь принес» [8, с. 167]. А Хандут-хатун, чтобы привлечь Давида, не понадеялась на себя: она посылает к Давиду гусанов, чтобы они профессионально воспели ее достоинства, причем не только внешнюю красоту (что подчеркнуто и в письме Дехцун). И гусаны находят яркие, запоминающиеся, порой и неожиданные образы. Вот отрывки из русского перевода этих песен:

Воспою, восхваляю Хандут-хатун для Давида!
Как тростник озерный,
Стройность её,
Воспою, восхваляю Хандут-хатун для Давида!
Как коня Джалали пробег-перелет –
Ширь сердца ее.
Воспою, восхваляю Хандут-хатун для Давида!
Как сотовый мед, губы её [8, с. 288].

Еще один фрагмент из этих песен:

...Про ее белизну пропою:
Она – что выпавший снег,
Нет, снега белей!
Про нежность ее пропою:
Что хлопья хлопка – нежность ее! [8, с. 289]

Из образных сравнений в повествовании самих сказителей в русском переводе воссоздана главная, отличительная черта поэтики армянского эпоса – динамизм, экспрессивность. Так, в четвертой ветви сказано о Мгере Младшем, расправившимся с войском семи царей:

Все войско он искромсал, умчал,
Как буря мчит комариный рой [8, с. 327].

Еще пример:

И так все крошили кругом,
Как кони крошат ячмень.
И халифов народ
Лег подобно ковру [8, с. 99].

Здесь переданы два типа сравнений: одно – более традиционное; другое поражает своей яркостью, стремительностью, художественным лаконизмом. Заметим, кстати, что в оригинале две последние строки выглядят так:

Ու Խալիֆայի մարդեր ընկան,
Խարի նման փռվան գետնին: [11, с. 47]

«Хсыр» – это не ковер, а нечто более обыденное: циновка, рогожа, подстилка. Русский перевод звучит поэтичнее. Образ заменен на более поэтический, а главное, воссоздан в этом сравнении динамизм, лаконизм в образности.

В армянском эпосе встречаются разные типы сравнений: есть союзные, есть бессоюзные, есть и сравнения с параллельными синтаксическими конструкциями, которые оказывают большее художественное воздействие тем, что первая часть сравнений содержит в себе еще и как бы скрытое отрицание:

Ծովու ավազին համար կա՛ր,
Էրկնուց աստղին համար կա՛ր,
Գետնի բուսին համար կա՛ր,
Հեծելին համար չկար: [11, с. 88]

Морскому песку имеется счет,
И звездам небесным имеется счет,
И травам земным имеется счет,
Всадникам – счета нет [8, с. 133].

На самом деле ведь нельзя пересчитать ни морские песчинки, ни небесные звезды, ни земные травы, т. е. им нет счета. И это еще более усиливает образное воздействие такого сравнения. Подобная форма сравнений также воссоздана в русском переводе.

Конечно, в вопросе воспроизведения разных черт поэтики армянского эпоса можно найти и просчеты, недостатки. Вообще русский перевод сводного текста не лишен определенных недостатков, на что мы уже указали в своей монографии о «русской» жизни «Давида Сасунского», вышедшей на русском и армянском языках [14]. Здесь же приведем только один пример явно неудачного художественного решения: это песня Давида, который перед сражением с войском Мсра-Мелика разрубает по пути столб:

Вечно б зеленеть ногам,
Быть бы им еще резвей,
За то, что я столб железный рассек!
Вечно б зеленеть рукам,
Быть бы им еще сильнее,
Чтоб живым от них не ушел Мелик! [6, с. 265]

Эти метафоры – «зеленеть ногам» и «зеленеть рукам» – звучат по-русски очень непоэтично. Кстати, в оригинале эпитет «канач» (зеленый в значении «молодой») встречается только раз и не диссонирует с контекстом [6, с. 233].

Заключение

Таким образом, рассмотрев особенности перевода сводного текста армянского героического эпоса «Давид Сасунский» на русский язык, приходим к выводу, что в целом отличительные черты поэтики эпического текста были бережно сохранены. Это было достигнуто грамотной передачей характерных для армянского эпоса динамичности эпического повествования, использования приема повторов, эпических формул, заложенных в речи героев эпоса, образных сравнений и др. Среди недостатков перевода отмечены дословный перевод армянских устойчивых выражений, идиом, транслитерация междометий (это характерный в переводческой практике в 30-е гг. XX в. прием, подчеркивающий, как тогда считалось, национальное своеобразие оригинала).

Тем не менее, именно благодаря этому переводу русский читатель почувствовал всю самобытность армянского эпического повествования. И в русской критике уже на основе этого перевода были высказаны очень точные наблюдения и замечания о художественном богатстве и своеобразии «Давида Сасунского».

Литература

1. Давид Сасунский / Пер. В. Я. Брюсова, М. Л. Лозинского, К. А. Липскерова, С. В. Шервинского. – М.: Гослитиздат, 1939. – 80 с.
2. Давид Сасунский. Армянский народный эпос / Пер. В. В. Державина, А. С. Кочеткова. – М.: Гослитиздат, 1939. – 335 с.

3. Сасна Црер. Сборник вариантов армянского эпоса о сасунских богатырях. Т. 1 / Под ред. М. Абеяна. – Ереван: Петрат, 1936. – 1256 с. (на армянском яз.)
4. Сасна Црер. Сборник вариантов армянского эпоса о сасунских богатырях. Т. 2. Ч. 1 / Под ред. М. Абеяна. – Ереван: Петрат, 1944. – 404 с. (на армянском яз.)
5. Егиазарян А. К. Поэтика эпосов «Сасна Црер». – Ереван: Антарес, 2013. – 328 с. (на армянском яз.)
6. Зарьян Н. Давид Сасунский: повесть по мотивам арм. эпоса / Пер. Н. М. Любимова. – М.: Дет. лит., 1984. – 270 с.
7. Петросян А. А. История народа и его эпос. – М.: Наука, 1982. – 216 с.
8. Давид Сасунский: армянский народный эпос. – Л.: Советский писатель, 1982. – 358 с.
9. Калевала: финский народный эпос. – М.: Художественная литература, 1977. – 586 с.
10. Былины: поэзия. – М.: Художественная литература, 1986. – 298 с.
11. Հայկական ժողովրդական էպոս. – Երևան: Հայպետհրատ, 1961. – 333 с. (на армянском яз.)
12. Шервинский С. В. Заметки переводчика // Литературная газета. № 51, 1939. – С. 2.
13. Орбели И. Армянский героический эпос. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1956. – 144 с.
14. Джанполадян М. Г. «Давид Сасунский» в русских переводах и критике. – Ереван: Изд-во РАУ, 2012. – 178 с.

References

1. *David Sasunskij* [David of Sassoun] / per. V. Ja. Brjusov, M. L. Lozinskij, K. A. Lipskerova, S. V. Shervinskogo. Moscow, Goslitizdat, 1939, 80 p.
2. *David Sasunskij. Armjanskij narodnyj jepos* [David of Sassoun. Armenian national epic] / per. V. V. Derzhavin, A. S. Kochetkov. Moscow, Goslitizdat, 1939, 335 p.
3. *Sasna Crer. Sbornik variantov armianskogo eposa o sasunskih bogatyrjah, t. 1* [Sasna Crer. Collection of variants of Armenian epic of Sassoun heroes, vol. 1] / pod red. M. Abegjana. Yerevan, Petrat, 1936, 1256 p. (In Armenian lang.)
4. *Sasna Crer. Sbornik variantov armianskogo eposa o sasunskih bogatyrjah, t. 2, ch. 1* [Sasna Crer. Collection of variants of Armenian epic of Sassoun heroes, vol. 2, p. 1] / pod red. M. Abegjana. Yerevan, Petrat, 1944, 404 p. (In Armenian lang.)
5. Егиазарян А. К. *Pojetika jeposa “Sasna crer”* [Poetics of the epic “Sasna crer”]. Erevan, “Antares”, 2013, 328 p. (In Armenian lang.)
6. Zar’jan N. *David Sasunskij: povest’ po motivam arm. jeposa* [David of Sassoun: story based on the Armenian epic] / per. N. M. Ljubimov. Moscow, Det. lit., 1984, 270 p.
7. Petrosjan A. A. *Istorija naroda i ego jepos* [History of the people and its epic]. Moscow, Nauka, 1982, 216 p.
8. *David Sasunskij: armjanskij narodnyj jepos* [David of Sassoun: Armenian national epic]. Leningrad, Sovetskij pisatel’, 1982, 358 p.
9. *Kalevala: finskij narodnyj jepos* [Kalevala: Finnish national epic]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1977, 586 p.
10. *Byliny: poezija* [Bylinas: poetry]. Moscow, Hudodzhestvennaja literatura, 1986, 298 p.
11. *Uwumlagh Դավիթ* [David of Sassoun]. Yerevan, Haypethrat, 1961, 333 p. (In Armenian lang.)
12. Shervinskij S. V. *Zametki perevodchika* [Notes of translator]. In: *Literaturnaja gazeta* [Literary paper]. No. 51, 1939, p. 2.
13. Orbeli I. *Armjanskij geroicheskij jepos* [Armenian heroic epic]. Yerevan, Izd-vo AN ArmSSR, 1956, 144 p.
14. Džhanpoladjan M. G. *“David Sasunskij” v russkikh perevodah i kritike* [“David of Sassoun” in Russian translations and criticism]. Yerevan, Izd-vo RAU, 2012, 178 p.

